

913 (С151)

Т-78

18

ТРУДЫ

Саратовского Областного
научного Об-ва Краеведения

== „ИСТАРХЭТ“ ==

Сост. Сарат. Об-ва Истории, Археологии
и Этнографии.

Выпуск 34, часть II.

САРАТОВ.
1924.

Общество реорганизовано из О-ва Истории, Археологии и Этнографии, образованного в 1920 году из учрежденной в 1886 году Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссии.

Нумерация выпусков „Трудов“ последовательно сохраняется.

В издании этого выпуска материальное содействие Об-ву оказал Саратовский Губсоюз.

21787
16
1

K

K

-78

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

Судислов

902.7

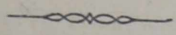
778

ТРУДЫ

Нижне-Волжского Областного
Научного Об-ва Краеведения

==== „ИстАрхЭт“ ====

быв. Саратов. О-ва Истории, Археологии
и Этнографии.

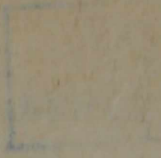

Вып. 34, часть 2-я.

САРАТОВ.
1924 г.

Э.Н.Х.

Гублит

Саратов, Полиграфпром. Типография № 10, Астраханская 52.

Тираж 600.

№ 2105

К истории шерстобитого-валяльного промысла в России.

Время возникновения шерстобитого-валяльного промысла—одного из стариннейших промыслов крестьянской нечерноземной России теряется в дали времен.

Уже в X-ом веке, судя по литературным указаниям, русские изготовляли полсти или войлоки, употреблявшиеся ими в шатрах во время походов, а также в качестве подседельников¹⁾, позже в XI-ом веке в стенах киево-печерского монастыря иноками валялись из шерсти клобуки, часть которых поступала даже в продажу в город²⁾; путешественник XIII-го века по России также отмечает, что русские носят очень высокие остроконечные войлочные шапки³⁾. Есть основание, кроме того, полагать, что войлочные шапки были вообще весьма распространенным в старину на Руси головным убором среди массы низших слоев населения⁴⁾.

Всеми этими указаниями устанавливается, очевидно, тот факт, что валяльное искусство было известно славянам на весьма ранней ступени их исторической жизни; при чем, в силу сказанного выше, не исключена и возможность, что эти навыки по валянию, подобно другим промышленным навыкам, зародились и вышли из стен монастырей.

Как и многие другие старинные промысла, шерстобитого-валяльный промысел имеет своим началом домашнее производство, когда все несложные потребности семьи удовлетворялись в пределах и силами этой родственной производительно-потребительской ячейки⁵⁾. Домашнее производство, и даже в области изготовления валеных сапог, отмечено, между прочим, и для самого последнего времени⁶⁾. В процессе хозяйственной дифференциации населения и изменения социально-экономических форм жизни, шерстобитого-валяние, как и другие отрасли домашнего хозяйства, постепенно превращалось в промышленное занятие расслаивавшегося крестьянского земледельческого населения.

В отношении интересующего нас шерстобитого-валяльного промысла есть, помимо сказанного выше, полное основание говорить что одна из его ветвей, именно войлочное производство было весьма распространенным уже промышленным занятием в XVI и в особенности в XVII-ом столетии. Во второй половине XVI столетия войлочников (полстовалов) находим в Туле, Можайске, Серпухове, а в XVII-ом стол. в Москве, Калуге, Козельске, Торжке и вообще в славившемся хорошими войлочными изделиями Тверском крае, также Аязмассе и Нижнем Новгороде; войлока в это время являются предметом самого широкого употребления (войлочные плащи, накидки, стельки, войлок санный, седельный, на обивку лавок, дверей, окон и т. д.); войлока фигурируют в качестве сбродных платежей в вотчинных хозяйствах; много войлоку сбывается даже за границу⁷⁾.

1) Н. Аристов.—Промышленность древней Руси. Спб. 1866 г. стр. 143. 2) Там-же.

3) Рубрук.—Перевод Малеева. Спб. 1911 г. Стр. 88.

4) П. Савваитов.—Описание старин. русской утвари. Спб. 1865 г. Стр. 302.

5) Куст. промыслы Яросл. губ. Вып. XIV-й 1904 г. Стр. 329.

6) Обследование куст. промыслен. Липецкого уезда 1912 г. Стр. 6.

7) Н. Е. Чечулин.—Города Моск. госуд. в XVI в. Спб. 1899 г. Стр. 182, 198, 280, 304; Кильбургер пер. Б. Г. Курца. Киев 1915 г. Стр. 102 об'ясн. 280; Родес. Чтение в О-ве Истории и древн. России 1915 г. кн 2 стр. 119; Иван Забелин.—Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII ст. Матер. т. I стр. 55, 162, 168. Т II стр. 115, 136; П. Савваитов. Описание русск. утварей. Спб. 1899 г. Стр. 106; Писцов. и Перепис. книги по Нижнему Новгороду. Русск. истор. библиотека т. XVII стр. 70, 92, 128, 172, 174, 350, 389. Ив. Забелин.—Большой боярин в своем вотчинном хоз-ве. Вестн. Европы 1871 г. Кн. I стр. 32—35.

Эту промышленную обработку продуктов скотоводства, очевидно, следует поставить в связь с тем общим состоянием сельского хозяйства, которое наметилось к концу XVI-го века в значительной части Центральной области¹⁾. За исключением двух небольших скоплений уездов на запад и северо-восток от Москвы, на всем остальном пространстве Центральной области замечается с 60-х годов в XVI столетия вполне определенно выраженный упадок сельского хозяйства и замена более интенсивной паровой зерновой системы хозяйства более экстенсивной переложкой²⁾. В то же время обозначается довольно резкое разделение всего Центрального пространства как бы на западную часть с господством земледельческой системы хозяйства³⁾ и северо-восточную, где скотоводство, наоборот, доминировало⁴⁾.

Исследователь сельского хозяйства Московской Руси в XVI веке⁵⁾ приходит к выводу, „что (указанный) переход от паровой зерновой системы земледелия к переложной не сопровождался переходом от земледельческой системы хозяйства к скотоводческой“ и „что скотоводство вообще не играло очень важной роли в сельском хозяйстве“. Последние утверждения, как нам кажется, правильнее было бы отнести к скотоводству пастбищному, действительно, не игравшему роли в сельском хозяйстве тогдашней Руси. Что же касается залежного, так сказать, скотоводства, то оно могло иметь и более чем вероятно, что и имело место в условиях регрессивного земледелия. Последнее обстоятельство дает, поэтому, основание заключить, что этот регресс в области земледелия, нашедший свое отражение в сокращении посевной площади и переходе к скотоводству на образовавшихся залежах, особенно в северо-восточной части Центральной области, мог послужить толчком к развитию промышленной обработки продуктов скотоводства, в том числе и шерсти, служившей к тому же наряду с другими продуктами скотоводства, предметом внешней торговли того времени.

Заслуживает в виду сказанного быть отмеченным и тот любопытный факт, что как раз в уездах северо-восточной части сосредоточились важнейшие районы валяльного производства, (Арзамасский, Ярославский), уезды же западной половины, наоборот, отличаются слабым его развитием и не выделяются по степени развития этого промысла в ряду других уездов нечерноземной полосы.

До XVIII-го стол. промышленная обработка шерсти, в виде валяльного производства, сосредоточилась, однако, на изготовлении шляп, войлоков, также и сукон. „Среди предметов выделки“ читаем мы в описании промысла по важнейшему Ярославскому району—„преобладали не валенки, как теперь, а поярковые и коровьи шляпы, сукна и войлока“. Особенно было развито производство шляп. В целом ряде городов Ярославской губ. находились шляпные заводы, вокруг которых, как сколо центра, группировались кустари-шляпники. В XVIII-ом столетии из пределов Ярославской губ. вывозилось до 20.000 разных валяных шляп. Тоже самое развитие шляпного производства даже вплоть до конца XIX стол. отмечено и в отношении Семеновского и

1). Губернии: Тверск., Московск., Ярославск., Владимир., Костром., и Нижегородск. (Губ. и уезды везде в старых администрат. границах).

2). Н. Рожков.—Сельское х-во Моск. Руси в XVI в. Москва 1899 г. Глава I.

3). Уезды: Коломенский, Боровский, Верейский Рузский, Звенигородский, Волоколамский, Клинский, Дмитровский, Зубцовский, Ржевский, Старицкий, Бежецкий, Кашинский, а также Ростовский, Юрьево-Польский, Муромский и Соли галичский.

4). Уезды: Угличский, Пошехонский, Ярославский, Арзамасский, Гороховский, Нижегородский, Костромской, Галичский, а также западные уезды Новотожск. и Тверской.

5). Н. Рожков.—Там-же.

других районов¹⁾. Нижегородское Заволжье снабжало шляпами почти всю Россию. Шляпы соответствующего каждому району фасона отправлялись на Тверскую, Новгородскую, Ярославскую, Суздальскую, Московскую „стороны“, шляпы достигали Украины. Особые шляпы валялись для бурлаков, особые для татар. Что же касается валенок, то таковых до XVIII стол., повидимому, в русском обиходе совершенно не существует. По крайней мере, использованный нами исторический материал, как будто-бы, дает довольно твердые основания в пользу такого утверждения. Главной обувью массы крестьянского населения в XVI и XVII веках являются лапти, в сходящие еще ко временам языческим, (также башмаки, сплетенные из прутьев), более же влиятельные и состоятельные слои тогдашнего русского общества, отчасти и некоторая более зажиточная часть крестьянства носят кожаные сапоги²⁾. Валенки следовательно, появляются только в XVIII-ом столетии, а может быть в самом конце XVII-го. Ниже приводим относящиеся к этому вопросу несколько более подробные данные по двум важнейшим районам валеного производства.

„По преданиям, сохранившимся в некоторых семьях известно, что за полтора века до нашего времени и даже ранее семеновцы уже славились валеными изделиями, и тогда они в производстве валеной обуви имели неоспоримое преимущество перед производителями всех других местностей Руси. Изделия их отличались особой прочностью и чистотой отделки“³⁾. Эти сведения являются, однако, несколько преувеличенными и по словам А. Карпова—автора статьи „Валяльный промысел в Балахнинском и Семеновском районе“—„определенные данные есть только о том, что валяльный промысел существует не менее 120 лет“⁴⁾ т. е. другими словами, возникновение промысла приурочивается только ко второй половине XVIII-го стол. В описании катального промысла по Ярославской губ. читаем: Лет за 150 до настоящего времени вся заволжская сторона была и считалась Романовским уездом. В прежнее время здесь овцеводство процветало, и с давних пор уже начинают появляться два промысла: шубников и валенщиков⁵⁾. Согласно данным второй половины XVIII-го столетия существование валеного промысла отмечается в тех же самых уездах, которыми образуется сейчас крупнейший Ярославский валяльно-сапожный район. Однако, только в Романовском уезде среди других продуктов валяльного производства выделяются и валенки, в других же уездах изготовляются только шляпы, сукна и войлока. При чем по словам автора „Кустарных промыслов“ Яросл. губ. валка обуви существует более 100 лет только в Сереновской волости, являющейся сейчас крупнейшим центром сапоговаляльного Ярославского района, в других же волостях Ярославского уезда промысел возникает гораздо позже. И в Романовском уезде, в котором, как уже раньше и было отмечено, только и изготовлялись вначале валенки, промысел по некоторым другим данным существует лишь около 100 лет, получив значительное развитие только в последние 25 лет⁶⁾. Возникновение промысла падает уже таким образом, на самый конец XVIII-го столетия.

1). Куст. пром. Яросл. губ. 1904 г. стр. 329—330. Труды куст. комиссии вып. VI. стр. 588, вып. II стр. 365. П. Т. Решетников.—Валяльный промысел в Вятском у. Вятка 1912 г. стр. 3.

2). Герберштейн. Спб. 1866 стр. 80; Флетчер. Спб. 1905 г. стр. 126—127; Маржерет Спб. 1850 г. стр. 35. Олеарий. Москва 1870 г. стр. 163. Рейтенфельс. Чтения 1906 г. кн. III стр. 150—151. Н. Костомаров. Очерки дом. жизни и нравов великорусского народа в XVII стол. стр. 294. Д. Разумовский. Государевы певчие дьяки стр. 161.

3). Нижегород. губ. ведом. за 1850 № 61. Цитиров. по „трудам куст. комиссии“. Вып. VI стр. 387.

4). Труды куст. комиссии. Вып. VI стр. 587.

5). Куст. пром. Яросл. губ. стр. 329.

6). Куст. пром. Яросл. губ. стр. 329—331.

К сказанному следует добавить, что валенки, о которых все время идет речь, очень мало походили на то, что сейчас принято называть валенками. „Прежде главными предметами заволжского валеного промысла были шляпы и обувь, но обувь, не такая, как ныне—без голенищ т. е. более похожая на сапоги, чем на сапоги. Эти сапоги без голенищ назывались валенками. Все заволжье валяло шляпу и валенки. С течением времени производство шляп начало все более и более уменьшаться, а вместо валенок стали работать сапоги с голенищами¹⁾. И в Ярославском районе „сначала валяли обувь без голенища, а затем стали выделять и с голенищами сапоги“²⁾. Настоящие валеные сапоги появляются, следовательно, гораздо позже. По крайней мере, в Семеновском районе они стали, по видимому, выделяться лишь в самом начале XIX стол., при чем сначала голенище сапога валялось отдельно и потом уже пришивалось к валенке, а затем—когда это произошло указаний нет—стали работать целые сапоги. Честь этого изобретения приписывается Заволжью. „Таким образом,“ читаем мы в описании промысла по Нижегородской губернии „вместо валенок везде начали работать сапоги, которые вытеснили скоро производство менее удобных валенок. Ныне валенки работают в самом незначительном количестве“³⁾.

Эта разница между валенками и сапогами в том смысле, как это здесь изложено, существовала еще и во второй половине XIX стол. и выражалась в не одинаковой расценке тех и других. Оказывается, валенки стоили во второй половине XIX стол. 25—30 коп. серебром, а сапоги 30—42 коп. серебром пара⁴⁾. И лишь позже валенки и валеные сапоги стали синонимами, место же валенок заняли, очевидно, близкие к ним по форме, валеные туфли.

Сведения по Семеновскому району Нижегород. губ. для нас особенно интересны в том отношении, что в них делается попытка пролить некоторый свет на историю расселения промысла, и мы поэтому считаем необходимым привести эти места полностью: „Первые поселенцы Заволжья были раскольниковыми, спасавшимися от нововведения Петра I-го (в начале XVIII в.) Эти то беглецы преимущественно заселяли Заволжье. Очень может быть, что москвичи переселенцы и были первыми насадителями валеного промысла в Заволжье, тем более вероятно, что Московская губерния, как прежде, так и ныне самая промышленная в России и валяный промысел существовал в ней даже в виде выделки пуховых шляп, что указывает на давнее постепенное усовершенствование промысла“... „Зимой в Заволжье приходило и приходило много рабочего народа с гор (правый берег Волги) в Нижегород. губ. и из соседних губ. (Владимир, Костромск.). Сторонние работники иногда обучаются валяльному делу и закупают его в свои места—вот причина, почему валеночный промысел распространяется на соседние губернии“... „Расселение семеновского промысла уже началось в последнее время. Этот промысел уже дал начало валеному промыслу в нескольких местностях: в Костромской, Владимирской, Вятской губ., в двух местностях Азамасского уезда“⁵⁾.

По поводу этих указаний надо прежде всего отметить то, что ссылка автора о времени заселения Заволжья не соответствует действительности. Некоторые поселения за Волгой были уже в XVI в. Что же касается поселения старообрядцев, то во второй половине XVII в. в Нижегородском Заволжье (Керженец) встречаем уже значительное количество старообрядческих скитов. В первой же четверти XVIII века, т. е. в то время, к кото-

1). Труды куст. комиссии. Вып. VI стр. 587.

2) Куст. пром. Яросл. губ. стр. 329

1) Труды куст. пром. Вып. VI стр. 588—589.

2). Крюков. Очерк мануфакт.-пром. сил Европ. России. Спб. 1853 г. стр. 133.

1). Труды куст. комиссии. Вып. VI стр. 587—592.

рому приурочивается расселение старообрядцев и возникновение промысла, значение Керженца, как одного из важнейших центров раскола, наоборот, падает: переселения с Керженца в другие места достигают значительных размеров и вместе с тем падает несомненно и хозяйственное значение этого района¹⁾.

С другой стороны, надо отметить также и то, что значение Заволжья в передаче технических навыков по валянию подчеркивается всеми почти исследователями этого промысла в других губерниях, при чем из заволжской части Нижегородской губ. он прежде всего перекинулся в заволжские же уезды Ярославской губ. и в первую очередь в Сереновскую волость Ярославского уезда (являющуюся сейчас центром валяльного промысла в Ярославском районе), а также и в Тверскую губ., несколько позже (в 40-ые годы) во Владимирскую губ., еще позже (в 60—70-е годы), в Костромскую губ. (в Махловск. волость, Юрьевецкого уезда—центр Кинешемско-Юрьевецкого района), но уже не из Нижегородской губ., а, по некоторым версиям, из Ярославской²⁾.

Последнее указание относительно возможности занесения промысла в Костромскую губернию из Ярославской несколько колеблет значение заволжской части Нижегородской губ., как единственного центра, откуда валеное искусство расселилось по другим местам. С другой стороны, факт существования в Москве выделки пуховых шляп, а Москве первой половины XVIII-го века это искусство уже, действительно, было известно³⁾, еще не дает твердых оснований считать выходцев из Москвы насадителями валеного промысла в Заволжье. Ответить, поэтому, как обстояло дело в действительности, за отсутствием более подробных данных, трудно. Но в поисках этого ответа мы хотели бы отметить некоторую возможность иной постановки вопроса о возникновении валяльного промысла, которым по нашим не совсем полным подсчетам было занято до войны в пределах Европ. России (без Арханг., Астрах., Оренб. губ. Обл. В/Д и Уральской) 90.434 челов. с суммой производства более 17 мил. довоенных золотых рублей.

Выше мы констатировали довольно раннее развитие валяльного искусства у славян. Тем не менее факт распространения полстопалов (войлочников) в южных городах (Тула, Калуга, Козельск) невольно наталкивает мысль о возможном влиянии степи, о влиянии тех кочевников, выходцев из Азии, которые уже с половины X века стали тревожить Русь своими набегами,—кочевников, в жизненном обиходе которых войлок и всевозможные войлочные изделия пользуются, как известно, чрезвычайным распространением. Если это влияние и нельзя мыслить, в силу сказанного выше, как простую передачу самих технических навыков, то, во всяком случае, это влияние, в смысле известного только импульса к развитию той или другой ветви валяльной промышленности, полагаем несомненно могло сказаться. Из этих кочевников влияние татар было наиболее длительным и глубоким. И вот оказывается, что еще в XIII веке татары носили войлочные башмаки⁴⁾, а татарские поселения, более или менее значительные, временные или более длительного характера, мы можем констатировать во всех важнейших местах сосредоточения сапоговаляльного промысла. Не говоря уже о татарских поселениях в Казанской губернии, татары в XVI веке широким потоком хлынули в соседнюю Вятскую губернию. Больше всего их в Малмыж-

1) П. С. Смирнов. Споры и раздел в русском расколе в первой четверти XVIII в. Спб. 1909 г. стр. 31—41.

2) Труды Куст. комиссии. Вып. VI, стр. 588. Промыслы Ковр. у Влад. губ. 1901, стр. 69. Промыслы Яросл. г. стр. 331. Краткий очерк кустр. пром. Юрьев. у Костр. г. 1913, стр. 23. Исслед. куст. пром. Сар. губ. Вып. II, стр. 130.

3) Материалы для истории, археологии и статистики гор. Москвы. 1884 г. Часть I, стр. 49.

4) Рубрук, стр. 101.

ском, Уржумском и Елабужском уездах, т. е. в уездах с довольно значительным сапоговаляльным производством. В Романово-Борисоглебском уезде, входящем в состав крупнейшего Ярославского района, и где впервые в этом районе, как уже было выше указано, началась валка обуви, татары поселились еще со времени татарского ига. Во второй половине XVIII столетия оставшиеся в Романове мурзы были переселены в Кострому, а Юзьевец (уезд входит в Кинешемско-Юрьевецкой район) во 2-й половине XVI ст. отдан был в удел астраханскому царевичу. В том же XVI веке татарские поселения были и в Твери, Торжке, Московской губернии (Серпухове, Можайске, Звенигороде), откуда промысел будто бы был занесен в Заволжье и, наконец, и в Нижнем Новгороде¹⁾. К этому надо еще добавить и то обстоятельство, что поселяемые татарские мурзы являлись местами, как, например, в Романовском уезде, крупнейшими помещиками²⁾, имели, несомненно, дворни с соответствующим штатом мастеров из дворовых людей среди которых могли быть и валяльщики обуви.

В связи со сказанным и возникает вопрос, не могли ли служить войлочные башмаки, употреблявшиеся татарами еще в XIII веке и, несомненно, и позже, прототипом для тех первоначальных валенок, которые, в сущности говоря, очень мало отличались от башмаков. Экономическое положение крестьянства со временем все ухудшалось. В употреблении были дешевые лапти и дорогие сапоги. И вот в поисках за более дешевой и в то же время теплой обувью мысль могла остановиться на войлочной обуви живших бок о бок с ними татар, обуви, давшей начало современным валенкам.

Это предположение о татарском происхождении валеной обуви получает, кроме сказанного, еще следующее некоторое обоснование.

В процессе изготовления валеного сапога, шерсть проходит, так называемую, стадию изготовления колпака. Колпак—это форма будущего сапога. Между тем, слово „колпак“—заимствовано из тюркского наречия³⁾, что, в свою очередь, указывает на возможную связь с татарами, как с одним из представителей тюркского племени.

Но татары были также на Литве, были и в юго-западной России, а по имеющимся у нас литературным сведениям промысел там почти совершенно не существует. Объяснение этому, как нам, кажется лежит в полном отсутствии экономической базы на Литве для развития сапоговаляльного промысла.

Общие социально-экономические причины, вызвавшие развитие промышленной деятельности крестьянского земледельческого населения в достаточной степени выяснены. Но кроме этих причин, общих для всех вообще промыслов, для развития сапоговаляльного промысла и для определения его географии имелись особые причины.

В ряду этих причин прежде всего следует отметить климатические условия, особенно господствующие на севере и востоке, т. е. в местах наибольшего географического распространения сапоговаляльного промысла. Низкие температуры, продолжительные и суровые зимы должны были побудить население к изысканию более теплой обуви, чем лапти.

Помимо этой главной причины были однако, и другие.

Обращает на себя внимание тот факт, что губернии наибольшего развития валяльного промысла в то же самое время являются губерниями на-

¹⁾ Энциклопедич. словарь Брокгауз-Ефрон, т. VII а, стр. 735, т. XXI, стр. 36, т. XXVII, стр. 47, т. XII, стр. 433 Павел Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, Киев. 1917, т. I, стр. 80—90. Перетяткович. Поволжье в XVI и XVII веках Москва 1877, стр. 150.

²⁾ П. Смирнов. Города Моск. госуд. в первой половине XVII в. Киев. 1917 г., т. I, стр. 80—90.

³⁾ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Москва 1914 г. Т. I стр. 338—339.

- Легкомысленный турист.* („Саратов. Лист.“, „Новости“.)—С. С. Гусев.
Ленский. („Сарат. Лист.“)—А. Э. Лане.
Леонид Ссылный. (Отд. изд.—„Папство и Россия“. Спб. 1867.)—Л. П. Блюммер.
Летописец. („Саратов. Листок.“)—С. С. Гусев.
Л. М. („Сарат. Лист.“)—Л. Т. Мизякин.
Л. М—н. („Сар. Лист.“)—Л. Т. Мизякин.
Л. Надоумко. („Волга.“)—Л. П. Блюммер.
—логов. („Сарат. Справ. Лист.“)—А. П. Феологов.

М.

- Майкль*— („Саратов. Дневн.“)—М. М. Владимиров.
Максим Сизой. („Сарат. Лист.“ „Саратов. Дневник“, „Волга“.)—Л. П. Блюммер.
Манин. („Саратов. Дневн.“)—П. Н. Галин.
Марк Дивес. („Сарат. Дневн.“)—Б. А. Маркович.
Марк О-вич. („Сарат. Дн.“)—Б. А. Маркович.
Мартов. („Саратов. Дневн.“)—А. С. Смиренномудренский.
М. Д. („Сарат. Лист.“)—М. П. Давыдов.
Меланхолик. („Саратов. Днев.“)—К. И. Ищенко.
Меланхолик. („Сарат. Дневн.“)—И. А. Песков.
Mezzo tenore. („Сарат. Дневн.“)—И. А. Песков.
М. З. („Художествен. Известия.“ Саратов.)—М. А. Зенкевич.
М. З—ич. („Художествен. Известия.“ Саратов.)—М. А. Зенкевич.
Михаил Бурбонов. („Саратов. Дневн.“)—П. И. Телепнев.
М—л, и. („Сарат. Спр. Лист.“)—Мисаил, иеромон.
Молотов, Н. („Сарат. Днев.“, „Волжский Вестник“)—Н. К. Никифоров.
Мрачный поэт. („Сарат. Дневн.“)—И. Лаврентьев.
М. С. („Сарат. Земская Неделя“.)—М. И. Семенов.
М. С—нов. („Сар. Зем. Нед.“)—М. И. Семенов.
М. С—ой. („Волга“.)—Л. П. Блюммер.
М—ч, Б. („Сарат. Дневн.“)—Б. А. Маркович.
Мыслите Люди. („Волга“.)—М. В. Лоссиевский.

Н.

- Н. А.* („Саратов. Дневн.“)—Н. М. Архангельский.
Начинающий поэт. („Саратов. Дневн.“)—П. Н. Галин.
Н. Генин. („Волго-Донской Край“, „Всемир. Иллюстрация“.)—П. И. Лямин.
Н. Д. („Сарат. Губ. Вед.“)—И. А. Дмитриев.
Н. Е. („Саратов. Дневн.“)—И. Ершов.
Неизвестный. („Приволжский Край.“)—Д. М. Борисов.
Нето. („Сарат. Дневн.“)—А. Ф. Хованский.
Не я. („Саратов Лист.“)—И. П. Горизонтов.
Н. И. („Вестник Европы“.)—Н. Ф. Иванов.
Ник. („Саратов Копеечка“, „Саратов. Жизнь“.)—Н. П. Белов.
Ник. Желтогорский.— („Наш Голос“.)—Н. В. Обухов.
Никель Серебровский. („Саратов. Дневн.“)—Н. С. Токарев.
Ни—кий, Д. („Русская Медицина“.)—Д. Никольский, д-р.
Nix. („Сарат. Днев.“, „Искусство“.)—Н. С. Соколов.
Нил А—г. („Саратов. Лист.“, „Саратов. Дневн.“, „Волга“, „Екатеринб. Неделя“, „Волжский Вестн.“)—П. Н. Галин.
Нил. Гак.—(Я футур-альманах).—А. Е. Галкин.
Н. Л—нов. („Саратов. Земская Неделя“.) Н. Лозанов.
И. М—ов. („Сарат. Дневн.“, „Сарат. Лист.“)—И. С. Малов.

- Н. Морской.*—(„Сарат. Дневн.“, „Волга“, „Новое Время“, „Нива“.)—
Н. К. Лебедев.
Н. Н. („Русская Жизнь“.)—Н. С. Токарев.
Не князь и не Ухтомский. („Волга“.)—П. А. Слепцов.
Н. О. („Саратов. Дневн.“)—П. А. Слепцов.
Н—о— („Саратов. Дневн.“)—А. Ф. Хованский.
Nota bene. („Саратов. Лист.“, „Развлечение“.)—С. С. Гусев.
Н. О—льгин. („Саратов. Дневн.“)—П. А. Слепцов.
Н. Р. („Саратов. Вест.“)—Н. Д. Россов.
Н. Савлов.—(Я футур альманах)—П. Власов.
Н. Стрельнов. („Волга“.)—П. А. Слепцов.
Н. Т. Ю. („Саратов. Земская Неделя“.)—Н. Т. Юрин.
Н. Х. („Саратов. Губ. Вед.“)—Н. Ф. Хованский.
Н. Ю. („Сарат. Зем. Неделя“)—Н. Т. Юрин.
—н. („Сарат. Губ. Вед.“)—Ф. Ерохин.

О.

- Об., Н.* („Саратов. Вест.“)—Н. В. Обухов.
О—в, Д., гр. („Волга“.)—Д. А. Олсуфьев, гр.
О. Д. А. гр. („Саратов. Лист.“)—Д. А. Олсуфьев, гр.
Омега. („Церковь“.)—М. П. Давыдов.
Он. („Сарат. Дневн.“)—С. С. Гусев.
О. О. О. („Саратов. Дневн.“)—К. Н. Ищенко.
О. Р. („Сарат. Лист.“)—О. П. Богданова.
О. Сироп.—(Я футур-альманах.)—Д. М. Борисов.

П.

- П* („Сарат. Дневн.“)—П. А. Слепцов.
Павлов, Н. (Отд. изд.—„В смутные годы“.)—Н. И. Мердер.
Paul Nolet. („Сарат. Дневн.“)—Соловьев.
Paul N. („Сарат. Дн.“)—Соловьев.
П. Б. („Сарат. Дн.“, „Приволж. Край“.)—П. О. Беспалов.
П. Б. С. („Сарат. Дн.“, „Прив. Край“.)—П. О. Беспалов.
П. Беспалов-Сибирский. („Сарат. Дневн.“)—П. О. Беспалов.
П. Вениаминов. (Отд. брошюра:—„Крестьянская община“. Спб. 1908.)—
П. Г. Архангельский.
*П***.* („Саратов. Дневн.“)—П. Н. Галин.
П. Д—н. („Голос Правды“.)—П. А. Слепцов.
Петр Л. („Сарат. Лист.“)—П. П. Лебедев-сын.
Петр Сибирский. („Саратов. Дневн.“, „Приволж. Край“.)—П. О. Беспалов.
Петров. („Церковь“.)—М. П. Давыдов.
П. З.—(„Сар. Дн.“, „Сар. Лист.“, „Прив. Край.“)—П. И. Зиннер.
P. S.—(„Friedensbote“, „Sarat. Deut. Ztg“, „Volksztg.“, „Unsere Zeit.“,
„Deut. Rundschau“, „Odess. Ztg“, „S.-Pet. Ztg“, „Wolgad.
Monatshefte“, „Der Wogadeutsche“, „Bauernztg“, „Unsere
Wirtschaft“, „Die Arbeit“, „Kauk. Post“.)—П. И. Зиннер.
П. З—р. („Новая Жизнь“.)—П. И. Зиннер.
П. И. („Киевск. Откл.“, „Полтавщина“, „Наша Жизнь“, „Сын Отеч.“, „Курь-
ер“, „Русск. Вед.“, „Товарищ“, „Прив. Край.“)—П. И. Зиннер.
П. И—в. („Рабочая Жизнь“.)—П. И. Зиннер.
П. Иванов. („Сам. Газ.“, „Курьер“.)—П. И. Зиннер.
П—к, А. („Саратов. Лист.“)—А. П. Поляк.
П—к, В. („Саратов. Лист.“)—В. Н. Поляк.
П. Л. („Саратов. Лист.“)—П. О. Лебедев.

- П—л—к, В.* („Саратов. Лист.“)—В. Н. Поляк.
Плюм-Пудинг. („Сарат. Справ. Лист.“)—Д. Л. Мордовцев.
П. Новомосковский. („Война и Жизнь“—Саратов, 1915.)—С. П. Полтавский.
П. О—в („Сарат. Лист.“)—О. В. Португалов.
Полтавин. („Брат. Помощь“ и отдельные брошюры).—П. А. Устимович.
Посторонний. („Голос Сибири“).—Г. Г. Сушкин.
Поэт из Тулы. („Москов. Лист.“)—П. И. Лямин.
П. П. („Сарат. Губ. Вед.“, „Сар. Лист.“)—П. П. Под'япольский.
Праздношатающий. („Сарат. Листок“, „Развлечение“).—С. С. Гусев.
Призрак. („Саратов. Днев.“)—А. С. Смиренномудренский.
П. С—в. („Голос Правды“).—П. А. Слепцов.
Псевдоним. („Волга“).—П. А. Слепцов.
П. Сосновский. („Голос Деревни“, „Uolks-ztg.“)—П. И. Зиннер.
П. Стальной. („Варшав. Дневн.“)—П. А. Слепцов.
П. Старый. („Гражданин“).—П. А. Слепцов.
П. Стр. („Волга“).—П. А. Слепцов.
Пустозвон. („Стрекоза“, „Развлечение“).—С. С. Гусев.
Пьетро Смурский.—(Я—футур-альманах.)—С. П. Полтавский.
П. Ю. („Приволжский Край“).—П. Л. Юдин.

Р.

- Р. А.* („Сарат. Губ. Вед.“)—А. А. Росницкий.
Р. А. („Сарат. Справ. Лист.“)—А. Родюков.
Ра. („Сарат. Дневн.“)—П. Р. Полетика.
Работинский. („Саратов. Лист.“)—Ф. А. Соколов.
Р—в, Н. („Саратов. Днев.“)—Н. Д. Россов.
Ре. („Саратов. Дневн.“)—Л. Винярский.
Реков. („Вест. Восп.“)—В. Я. Репников.
Родников. В. („Вестн. Воспитания“).—В. Я. Репников.
Розовая Маска. („Сарат. Копеечка“, „Саратов. Жизнь“).—Н. П. Белов.
—r—r— („Odess. Ztg.“)—П. И. Зиннер.
Рунова, О. („Саратов. Лист.“)—О. П. Богданова.

С.

- С.* („Саратов. Дневн.“, „Правда“).—П. А. Слепцов.
С. („Голос Сибири“, „Сарат. Вед.“)—Г. Г. Сушкин.
С. („Die Arbeit“ и др.)—П. И. Зиннер.
Садко Гусяр. („Судоходец“).—Н. В. Обухов.
Sak. („Deutsch. Volksztg.“)—С. С. Карахан'янц.
Саратовец. („Астрахан. Лист.“)—А. Ф. Хованский.
Саратовский Боккачио. („Саратов. Дневн.“)—А. А. Кулаков.
Сатана Гордыня.—(Я—футур-альманах.)—Л. Гумилевский.
Сверхштатный корреспондент. („Саратов. Листок“).—С. С. Гусев.
Свой. („Саратов. Листок“).—П. А. Аргунов.
С. Г. („Сарат. Лист.“, „Молва“, „СПБ Вед.“)—С. С. Гусев.
С. Г—в. („Сарат. Лист.“, „Молва“, „СПБ. Вед.“)—С. С. Гусев.
Северин. („Дело“, „Русская Мысль“, „Вест. Европы“, „Живопис. Обзор.“—
Н. И. Мердер.
Секунд Майоров. („Сарат. Дневн.“)—А. А. Кулаков.
Сениор Асмодей. („Развлечение“).—С. С. Гусев.
Сергей Г—в. („Альманах Будильник“ 1880.)—С. С. Гусев.
Сергей Качуев. („Приволж. Вестн. Охоты“, „Саратов. Дневн.“, „Саратов.
Листок“).—С. И. Червяков.
С. Ж. („Саратов. Вест.“)—С. И. Гржибовская.

- С. Железняк.* („Саратов. Дневн.“, „Саратов. Листок“.)—С. И. Гржибовская.
Sine ira. („Саратов. Дневн.“)—А. А. Кулаков.
S. v. S. („G.-Pet. Ztg.“, „Uolksztg.“)—П. И. Зиннер.
S. K. („S. D. Volksztg.“)—С. А. Карахан'янц.
Скептик. („Сарат. Дневн.“)—В. С. Бабилов.
Скин, Г. („Коммер. Телеграф“.)—Г. Г. Сушкин.
С. Л. („Сарат. Лист.“)—П. А. Слепцов.
С. Л—в. („Голос Правды“.)—П. А. Слепцов.
Слово Глаголь. Сарат. Дневн.“, „Сарат. Лист.“, „Волга“.)—С. С. Гусев.
Случайный. („Сарат. Жизнь“, „Сарат. Копеечка“.)—Н. П. Белов.
Случайный турист. („Сарат. Лист.“)—А. Л. Куш.
С—н, Г. („Голос Сибири“, „Известия Центр. Военно-Промышлен. Комитета“.)—Г. Г. Сушкин.
С. О. („Сарат. Лист.“)—С. Б. Острожников.
София Железняк. („Сарат. Лист.“)—С. И. Гржибовская.
С. П. („Саратов. Лист.“)—П. А. Слепцов.
С. П. („Сарат. Лист.“, „Сарат. Вестн.“, „Саратов. Жизнь“.)—С. П. Полтавский.
Spectator. („Bauernztg.“.)—П. И. Зиннер.
—s—s. („Sar. D. Volksztg.“)—И. И. Эрбес.
С. Светлов. („Сарат. Дневн.“, „Театр и Искусство“.)—С. А. Марковский.
С. Т. („Сарат. Вестн.“)—С. А. Тиванов.
Ст. Тов. („Пролетарий Поволжья“.)—Г. Г. Сушкин.
Старик. („Русь“.)—А. И. Шахматов.
Старый. („Голос Правды“.)—П. А. Слепцов.
Старый журналист. („Сарат. Дневн.“, „Сарат. Вестн.“)—Н. М. Архангельский
Старый отшельник. („Сарат. Лист.“)—С. С. Гусев.
Старый Трансформист. („Русская Мысль“.)—Н. Г. Чернышевский.
Старший дипломат. („Развлечение“.)—С. С. Гусев.
Степняк. („Моск. Вед.“, „Сарат. Дневн.“)—А. С. Бабилов.
S—r. („Unsere Wirtschaft“.)—П. И. Зиннер.
Стерегающий. („Сарат. Дневн.“, „Сарат. Лист.“)—С. И. Червяков.
—стр. („Голос Правды“.)—П. А. Слепцов.
Сторонний наблюдатель. („Сибирь“, „Новая Сибирь“.)—Г. Г. Сушкин.
Sylva. („Сарат. Дневн.“)—С. С. Краснодубровский.
Суш, Г. Г. („Восточная Заря“, „Обединение“, „Саратов. Вед.“)—Г. Г. Сушкин.
Сушихин. („Сарат. Вед.“)—Г. Г. Сушкин.
S. v. Schilling. („D. Volksztg.“)—П. И. Зиннер.
С. Щ—в. („Волга“.)—С. А. Щеглов.

Т.

- Теперь и сейчас.* („Голос Правды“.)—Н. Иванов, св.
Tuttigianti. („Сарат. Лист.“, „Развлечение“.)—С. С. Гусев.
Tuttigiati, S. S. („Сарат. Справ. Лист.“)—А. А. Куликов.
Т—ко, Н. („Сарат. Лист.“)—Н. Ткаченко.
Томила. („Луч“ и др.)—М. А. Карпова.
**.*.* („Сарат. Лист.“)—А. О. Немировский.
Триесс. („Русская Жизнь“.)—С. С. Гусев.

У.

- Угрюмский гражданин.* (Отд. издание: „Юмористические и серьезные очерки Угрюмска“. Саратов, 1874.)—А. Ф. Леопольдов.

Ф.

- Ф. А.— („Саратов. Вестн.“)—Ф. А. Пальчинский.
Ф. Е—вич. („Сарат. Дневн.“)—Ф. Е. Гордиенко.
Философ из далека. („Сарат. Лист.“)—П. А. Слепцов.
Фланер. („Саратов. Лист.“)—И. П. Горизонтов.
Флюгер. („Саратов. Днев.“)—Т. И. Герольдов.
Ф—ов, Д. („Сарат. Вестн.“)—Д. Феофаров.
Фру-фру. („Развлечение“.)—Т. И. Герольдов.

Х.

- Ха-ха-ха! („Будильник“.)—С. С. Гусев.
Х—ий. („Новое Время“, „Рус. Вед.“, „Русский Курьер“, Астрахан.
Лист.“)—А. Ф. Хованский.
Хр. И. („Сарат. Лист.“)—И. Хряпов.
Хроникер. („Волга“.)—П. А. Слепцов.

Ч.

- Чернокнижник. („Волга“.)—С. С. Гусев.
Чернокнижник. („Саратов. Днев.“)—А. А. Дублицкий.
Чернокота.— („Я—футур-альманах.“)—А. Е. Галкин.
Что в имени тебе моем? („Астрахан. Лист.“, „Саратов. Лист.“)—
И. П. Горизонтов.
Чужой. („Сарат. Лист.“)—Н. С. Токарев.
Чужой. („Голос Сибири“, „Восточная Заря“.)—Г. Г. Сушкин.

Ш.

- Ш—ский, С. („Саратов. Днев.“)—С. Шалкинский.
Штэк. („Голос Правды“.)—П. А. Слепцов.

Щ.

- Щука. („Донской Голос“.)—Е. Д. Жигмановский.

Э.

- Э. Клисэ.— („Я—футур-альманах.“)—А. Киселев.
Эль. („Саратов. Лист.“)—П. О. Лебедев.
Эль. („Сарат. Лист.“)—П. П. Лебедев-сын.
Эльде. („Сарат. Дневн.“)—Л. Дунина.
Эль-эм. („Саратовец“, „Сарат. Лист.“)—Л. Т. Мизякин.
Эс. Ге. („Саратов. Лист.“)—С. С. Гусев.
Эспе. („Голос Правды“, „Варшав. Дневник“, „Солнце Красное“.)—
П. А. Слепцов.

Ю.

- Ю—в, В. („Сарат. Лист.“)—В. П. Юрьев.

Я.

- Я. Д. („Сарат. Дневн.“)—Я. Е. Дитц.
Ян. Варский.— („Саратов. Вестн.“)—Н. М. Архангельский.

ь.

—ъ—ъ. („Сарат. Дневн.“)—А. А. Кулаков.
ъ. („Сарат. Дневн.“)—С. А. Марковский.

8.

Өома Хмурый. („Оренбургский Край“, „Оренбургская Газета“, „Степь“, „Вестник Пензенск. Земства.“)—В. Е. Зюрюкин.
Өома Шлык. („Волга“.)—П. Я. Кучин.

?

?? („Саратов. Лист.“)—П. О. Лебедев.

Краткий отчет о деятельности Отдела Истории Нижне-Волжского
Областного Научного О-ва Краеведения „Истархэт“
за 1915-1923 годы.

Нижне-Волжское Областное Научное О-во Краеведения, являющееся преемником Саратов. Ученой Архивной Комиссии и О-ва Истории, Археологии и Этнографии при Саратов. Гос. У-те в работе по изучению Края, возобновляет во II-ой части 34-го вып. „Трудов“ печатание отчетов о деятельности отдела Истории. Отчет 1914 г. был последним, напечатанным в Трудах Архивн. Комиссии,*) поэтому настоящий отчет начинается следующим, 1915 годом.

В этом году на общих собраниях членов Комиссии прочитаны были следующие доклады, посвященные вопросам истории: А. А. Гераклитова: Саратов. пожары 1800 и 1801 гг. П. Н. Боева: Материалы по истории Радищевского Музея. В. И. Жеребцова: Страница из прошлого Саратова. Саратовск. чиновники 100 лет тому назад. Ф. П. Коновалова: Процессо скопцов в Саратове. П. П. Смирнова. Окладная роспись пятин по г. Саратову 1634 г. Н. Ф. Хованского: Из дел Золотовского Приказа.

В 1915-1916 гг. в работу Арх. Ком. внесено было большое оживление, благодаря пребыванию в Саратове эвакуированных из Киева высших учебн. заведений, профессора и студенты, которых приняли участие в работе Комиссии. В тесном единении с Комиссией проходила также и деятельность Киевского Истор. О-ва имени Нестора Летописца. На общих собраниях Ком. прочитаны были в 1916 г. следующие доклады историч. содержания: А. А. Кроткова: Увек Саратовский по данным истории и археологии. С. И. Быстрова: Страница из прошлого старообрядческого Поволжья. И. М. Каманина: Южно-русское казачество и отношение духовенства к его восстанию при Б. Хмельницком. В. П. Юрьева: Где был основан Саратов в 1590 г.? Н. Ф. Хованского: Пять лет губернаторства А. И. Косича в Саратов. губернии (1887—1891 гг.). Возмущение крестьян Золотовской волости в 1830 г. К. Я. Виноградова: Бегство калмыков с Волжско-Каспийских промыслов. А. В. Колокольцева: Саратов. полиция в ее отношении к старообрядчеству по данным ревизии гр. Стенбока (1853 г.) и собств. проект Стенбока об административном воздействии на старообрядчество. А. А. Гераклитова: Когда написан сборник слов Иоанна Златоустого, принадлежащий Арх. Комиссии? В. О. Жеребцова: Саратов. чиновники сто лет тому назад. (Продолжение) Б. Д. Федорова: Г. И. Успенский и раскол в Саратов. Крае. В этом же году учителями-историками, членами комиссии, образована была в составе Комиссии „Историческая секция“, в заседаниях которой прочитаны были между проч. следующие доклады: В. Н. Золотарева: О необходимости создания Историч. секции при Саратов. Уч. Арх. Ком. и ее возможных задачах и целях. Исторический кружок при гимназии Добровольского. А. А. Гераклитова: Историч. Архив С. У. А. К. А. А. Гаврилина: Об организации историко-археологических экскурсий. В. И. Оппоковой: Опыт постановки реферативной системы преподавания истории в старш. классах Саратов. I-ой женск. гимназии. Д. А. Маркова: Об изучении истории местного Края. В. В. Алонзовой: О преподавании истории в средне-учебн. заведениях.

*) См. 32-ой вып. „Трудов“. Саратов, 1915 г., стр. 169-177.

После февральской революции 1917 г. оживилась работа членов Ком. по приведению в порядок и разработке письменных и печатных материалов, относящихся к истории обществ.-революционного движения в Саратов. Крае. Осенью этого года на основе старых и новых накоплений материала в составе Арх. Комиссии был создан особый „Отдел Общественного Движения“, позже составивший часть Историч. Музея. 1917 год ознаменовался открытием в Саратов. У-те Историко-филологич. Фак-та; его профессора стали членами Комиссии и организовали в ней чтение ряда лекций—по архивоведению (проф. В. И. Веретенников) и по историч. географии (проф. М. Т. Фасмер). В том же 1917 году началась под руководством проф. В. И. Веретенникова работа членов Комиссии по спасению погибавших архивов, принявшая особенно большие размеры в 1918 г. Протекая в чрезвычайно тяжелых условиях, она отнимала у членов Ком. все силы и средства, но своим результатом имела спасение от гибели и сохранение для потомства большого числа архивов учреждений, ликвидированных после февральского и Октябрьского переворотов. Эта работа закончена была Комиссией весной 1919 г., когда в Саратове учрежден был Губархив, в ведомство которого и поступили спасенные архивы. В 1917 г. на общих собраниях членов Комиссии прочитаны были следующие доклады: Н. Ф. Хованского: Воспоминания о Н. Г. Чернышевском. А. А. Белова: Сохранившиеся воспоминания о преосвящ. Афанасии III, епископе Саратовском. С. Н. Чернова: Об учреждении Отдела Истории обществ. движения в составе Комиссии. К. Я. Виноградова: Освобождение калмыков от крепостного права. Сомчевской: Школы немцев-колонистов по данным 1875 г. П. Н. Боева: О старинных русских иконах.

В 1918 году продолжалась работа отдела Истории Обществ. движения. На общих собраниях читались и обсуждались исторические доклады: П. К. Галлера: Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX столетия. (Воспоминания) С. И. Быстрова: Из прошлого старообрядцев посада Дубовки. Из истории раскола в Саратов. Крае (2 доклада) К. Я. Виноградова: Саратов. педагоги и гимназисты в оценке жандармов (из архива Жандармск. Управления). Каракозовский процесс (материалы Жандармск. архива). А. Н. Штылько: Саратов. губернская власть и иеромонах Иллиодор. Проф. Н. К. Пиксанова: К изучению литерат. наследия академика А. Н. Пыпина.

В 1919 г. были прочитаны следующие историч. доклады: С. И. Быстрова: Старообрядчество в Саратове. Проф. В. И. Веретенникова: Памяти скончавшегося академика А. С. Лаппо-Данилевского. А. Н. Штылько: Архивные мелочи (О фруктовой почте в старину. Цариц. городничий фон-Цилка-Кус. По архивн. материалам). Из недавнего прошлого. Бывшая губернская власть и ее отношение к местной периодической печати (по арх. материалам). В. П. Позднякова: Историч. сообщение о кожаных куртках, доставленных в Историко-Археол. Музей.

В 1920 г. и последующих работа Арх. Комиссии по изучению истории местного края была продолжена О-вом Истории, Археологии и Этнографии, в которое Комиссия была преобразована.

В 1920 г. работа отдела истории замедлилась с уходом его председателя, проф. В. И. Веретенникова и развитием деятельности Историч. Секции Философско-Историч. О-ва при у-те, впоследствии соединившейся с отделом Истории. На состоявшихся заседаниях отдела были прочитаны доклады: С. И. Быстрова: Из истории старообрядчества в г. Саратове. Проф. В. И. Веретенникова: О связи областной истории с общерусским историч. процесом. А. А. Гераклитова: Очередные задачи по изучению истории местного края. В. И. Оппоковой: Историч. Архив. Издание Гл. Упр. Арх. делом, книга I. 1919 г. Проф. Л. Н. Юровского: К истории крепостного хозяйства и дворянск. землевладения в Саратов. Крае. Доклады историч. содержания за-

слушаны были также на общих собраниях членов О-ва и в отделе археологии: А. А. Гераклитова: Записки Барбаро о путешествии в Тану. А. Н. Штылько: Из недавнего прошлого. Бывшая губернс. власть в ее отношении к местной прессе, (по арх. данным.) Проф. С. Н. Чернова: О связи истории и археологии местного края.

В конце 1921 года к отделу истории присоединилась Историческая Секция Филос.-Историч. О-ва при у-те, что дало отделу новых работников и способствовало расширению его задач изучением обще-русской и всеобщей истории. На заседаниях отдела заслушаны были доклады: Проф. А. Н. Юровского: О крепостном хозяйстве Саратов. Края. Проф. П. Г. Любомирова: Памяти проф. Архангельского. Пожарский в изображении хронографа типа 1617 г. С. И. Быстрова: Из начальной истории Черемшана. Гл. I—II. А. И. Доватура: Личность и деятельность Салона в греческ. историч. предании. На общих собраниях: П. А. Аргунова: Изборник Псковской Судной Грамоты и его отношение к господарю. Проф. П. Г. Любомирова: Об изучении мордвы. М. Н. Чернышевского: Н. Г. Чернышевский в Виллюйске (по неизд. документам). На торжеств. заседании, посвященном чествованию памяти Данте: Проф. В. А. Бутенко: Данте и Возрождение. Проф. Т. П. Федотова: Утопия Данте. На юбилейном собрании по случаю 35 летия существования О-ва: Проф. П. Г. Любомирова: Развитие восточной торговли во 2-ой пол. XVI века и основание Нижне-Волжских городов.

В 1922 г. работа Отдела Истории выразилась в заслушании и обсуждении докладов общей и местной истории. Прочитаны были следующие доклады и сообщения: Проф. В. А. Бутенко: Бумажные деньги в эпоху Франц. Революции. Наука Новой Истории в России. Карта Европы по Версальскому миру. А. М. Дьяконова: Памяти проф. Д. А. Корсакова. А. А. Лебедева: Моральное состояние Иргизских монастырей в 1820—40 г.г. Проф. П. Г. Любомирова: К литературной истории сказания Авраамия Палицына. Новые источники по истории Смуты. А. А. Гераклитова: Филигрань „A la mode papier“, Проф. И. Ф. Полак: Из истории астрологии в XVI в. Проф. С. И. Протасовой: Обзор иностранной литературы по истории Греции за 1915—20 гг. Композиция и источники биографии Помпея у Плутарха. А. Д. Суздалева: Черты внутренней политики Николая I. Проф. Г. П. Федотова: Государство перед судом церкви в Меровингскую эпоху. Проф. С. Н. Чернова: Заметки о суде над Максимом Греком. Несколько хронологических дат записок Якушкина. М. Н. Чернышевского: Старый Саратов в автобиографии Н. Г. Чернышевского. Из неизданных бумаг Н. Г. Чернышевского. Проф. С. В. Юшкова: О праве убежища в древн. Руси (2 доклада). На общих собраниях прочитаны были доклады: Проф. П. Т. Любомирова: Саратовское наместничество в 1782 году. И. Я. Славина: Саратовское управление в последнюю четверть XIX. Борьба с голодом в Саратове в неурожайные годы конца XIX в. М. Н. Чернышевского: Из неизданных произведений Н. Г. Чернышевского (Корнилов дом, Жгут, Духовная сила).

В 1923 г. в Отделе Истории заслушаны были следующие доклады: П. И. Степанова: К истории маслособойной промышленности в Саратов. губернии. Проф. В. А. Бутенко: Отставка Бисмарка (III-ий том его мемуаров). Мемуары Вильгельма II-го. Проф. С. Н. Чернова: Несколько сведений о солдатском брожении 1820—21 гг. Сборник Воспоминания и письма декабриста М. И. Муравьева-Апостола. Четыре письма к И. Д. Якушкину. З. А. Серебряковой: К истории выборов в I-ую Госуд. Думу в Саратов. губ. Проф. П. Г. Любомирова: О правлении Софией Алексеевны. Е. Н. Кушевой: Сборник Г. П. Библиотеки Ф. IV. 17. А. А. Гераклитова: Записные книги Печатного Приказа. Иван Каманин. Алексадра Вітвицка. Водяні знаки на папері XVI—XVII вв. Киев. 1923. Изд. Всеукр. Академии. В том-же году в составе отдела была организована Историко-Экономическая секция, в засе-

даниях которой были прочитаны и обсуждались следующие доклады: Е. Ф. Любомировой: Перевозка по Р. У. ж.-д. продуктов с.-хоз. и промысловых Юго-Востока в связи с состоянием этого района перед мировой войной. Е. И. Шлифштейна: К истории сапого-валяльного промысла в России. Доклады историч. содержания были прочитаны и в секции любителей родного края, организованной в том-же году группой членов О-ва с целью дать возможность лицам, не обладающим специальной подготовкой, работать в области изучения Сар. Края. А. А. Лебедева: Печать в Сар. Крае за время с 1917—1923 гг. Рецензия на брошюру С. И. Быстрова „Поморское согласие в Сар. Крае“. С. И. Быстрова: Быт Черемшанских скитов. Смутное время Черемш. скитов. А. А. Гераклитова: Воспоминания о Саратове 70-х годов прош. века. Деревня Суворовка Завьяльного стана Пенз. уезда. Е. И. Боевой: Сообщение об устройстве и открытии в Сарат. Радищевск. музея. В. А. Сушицкого: Известия арабских писателей о Зол. Орде. Е. И. Ивановой: Известия западн. писателей о Зол. Орде. Проф. С. Н. Чернова: О губернаторе Панчулидзе, Шохора, О Радищеве. А. А. Кроткова: Библиография Золот. Орды. Главным образом доклады исторического содержания читали и в общих собраниях членов О-ва; таковы доклады: А. А. Гераклитова: Из бумаг А. Н. Штылько. Заметки об Астрахани по книгам Печатн. Приказа. О книге Хвощова по истории Пензенского Края. О курсе Большакова по вспомогат. историч. дисциплинам, А. Н. Лозановой: Историко-культурн. ценности Астрахани. П. Л. Маштакова: О работах РАН по составл. списков русск. рек. И. Я. Славина: Отношение земств и городов по „Положениям“ XIX в. Проф. С. Н. Чернова: Саратовская родня декабриста Батенькова. М. Н. Чернышевского: История одной рукописи Н. Г. Чернышевского.

Работа Отдела Истории О-ва за 1920—23 гг. выражалась еще в разработке отдельных вопросов из истории Сар. Края как группами лиц, так и отдельными работниками. Из групповых работ заслуживают упоминания: изучение социально политич. движения в Крае, и в связи с этим—истории кол низации группой членов О-ва под руководством А. А. Гераклитова в 1920—21 гг.; изучение аграрного движения в Крае, протекавшее в 1921—22 гг. под руководством В. Е. Зюрюкина; обработка материалов экспедиции Артемьева, шедшая в Историко-Экономич. секции Отдела Истории под руководством проф. П. Г. Любомирова, Е. И. Шлифштейна и Р. М. Шнейдера.

1970 M.